

Денис Федоров, Ольга Андерсон

Незаконченная рукопись А.Н. Егунова
«Греческий роман в русских переводах»*

DENIS FEDOROV, OLGA ANDERSON
A.N. EGUNOV'S UNFINISHED MANUSCRIPT
THE GREEK NOVEL IN RUSSIAN TRANSLATIONS

ABSTRACT. The present article is devoted to the analysis and partial reconstruction of a manuscript of the prominent Soviet classical scholar and translator Andrei Nikolayevich Egunov preserved in his personal archive. The manuscript in question is an unfinished monograph devoted to the problem of Russian translations and reception of the phenomenon of the so-called Greek novel in Russia. On the basis of the surviving archival draft materials, the authors attempt to identify Egunov's goal and to reconstruct the basic structure of his work. According to the authors of the article, the unfinished work conceived by Egunov was intended to contribute to the study of the tradition of Russian translation studies, shedding light on the biographies of Russian translators of classical literature in the XVIII–XIX centuries, as well as to conduct a kind of comparative analysis of the various Russian translations of Greek novels in the historical period under consideration. The data obtained in the course of familiarisation with previously unpublished archival materials not only allows the authors to pay tribute to the memory of the outstanding Russian scholar, but also to introduce some of them into academic circulation. The article also considers Egunov's methodological principles, casting a glance into the scholar's "creative laboratory" and revealing a number of approaches or "techniques" Egunov employed while working on his monograph, applying them to the primary sources as well, which approaches in many respects remain relevant for the classicists of our days.

KEYWORDS: A.N. Egunov, Greek novel, classic studies in Russia, translation studies.

© Д.А. Федоров (Калининград). riarman@gmail.com. Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта.

© О.Н. Андерсон (Калининград). essliana@yandex.ru. Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта.

Платоновские исследования / Platonic Investigations 19.2 (2023)

DOI: 10.25985/PI.19.2.13

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 22-28-00671, <https://rscf.ru/project/22-28-00671/>, Балтийский федеральный университет имени И. Канта.

Андрей Николаевич Егунов (1895–1968), яркий и самобытный представитель отечественного антиковедения начала и середины XX века, отличаясь чрезвычайно широкой разносторонностью профессиональных научных интересов, оставил свой след в самых разных областях литературно-исследовательской деятельности, будучи известен как авторитетный филолог-классик, переводчик произведений ряда античных авторов, а также поэт и литератор. Обращение к интеллектуальному наследию А.Н. Егунова, участвовавшее в последние годы¹, а также открывшиеся возможности работы с сохранившимся архивом ученого², позволили пролить дополнительный свет на еще одну из многочисленных граней его исследовательского таланта и научных интересов — изучение традиций российского дореволюционного классического переводоведения. Среди специалистов достаточно широко известна одна из поздних работ Егунова — масштабное исследование отечественной традиции переводов Гомера³. В качестве аргументов научной значимости подобной проблематики автор, в частности, выделял «примеры техники перевода, положительные или отрицательные, но небесполезные и по сей час для переводческой практики», отдельно отмечая, что «лексический и стилистический анализ переводов Гомера может служить материалом по истории русского литературного языка»⁴.

И в этом отношении отдельный интерес составляет представленная в архиве Андрея Николаевича в виде рукописи незаконченная монография, посвященная близкой проблематике — исследованию русских переводов и рецепции в России феномена так называемого греческого романа⁵.

---

¹ См., например, Светлов 2022, Светлов, Минак 2022 и 2023, Светлов, Шмонин 2023, Федоров, Колмакова, Андерсон 2022, Минак 2022 и др.

² Авторы выражают глубокую признательность хранителям интеллектуального наследия А.Н. Егунова — Вадиму Валерьевичу и Ирине Валентиновне Сомиковым за предоставленную возможность работы в частном архиве с текстами оригинальных рукописей советского ученого.

³ Егунов 1964.

⁴ Егунов 1964: 11.

⁵ Литература по теме греческого романа чрезвычайно разнообразна. Среди

Стоит отметить, что данная тематика интересовала Егунова еще в молодости. Очевидную аллюзию на частично сохранившееся сочинение Антония Диогена носит название опубликованного советским антиковедом в 1931 г. романа «По ту сторону Тулы»⁶. Егунов был одним из авторов вышедшего в свет в 1932 г. перевода произведения одного из ярких представителей данного позднеантичного литературного жанра — «Эфиопики» Гелиодора. В 1965 г. этот перевод был переиздан с обширной вступительной статьей Андрея Николаевича. В ней он делает акцент на софистическом характере данного греческого текста:

Когда вследствие изменения общественных условий, утраты государственной самостоятельности и гражданских навыков греческое население Римской империи было низведено до относительно благополучного, обывательского прозябания, с преимущественно частными интересами, распространение образованности привело к тому, что в области литературы произошла встреча двух течений, ранее не соприкасавшихся, — низовой развлекательной литературы и дотоле игнорировавшей ее литературы изысканных «верхов». В результате возник софистический любовный роман: некогда вульгарные повествования обогатились всеми тонкостями софистической риторики⁷.

В том же предисловии автор, хотя и несколько поверхностно, касается тематики русской традиции переводов греческого романа, обращая внимание на тот факт, что первичное знакомство отечественной образованной публики с данным жанром произошло опосредованно, через позднейшие «имитации» французских романистов XVIII века:

В России греческий роман становится известным в XVIII веке. До появления собственных переводов русская литература уже пробовала освоить характер греческого романа через западноевропейские авантюрные романы⁸.

примечательных исследований последних лет см., например, Протопопова 1997 и 2001, Whitmarsh 2011, Schwartz 2016, Lefteratou 2018, Reardon 2019, Bird 2020.

⁶ Николев 1931.

⁷ Егунов 1965: 10–11.

⁸ Егунов 1965: 34.

Задуманная Егуновым монография должна была быть посвящена не столько проблематике греческого романа как такового (темы, безусловно, неисчерпаемой и многоаспектной, но тем не менее в значительной степени уже разработанной предшествующими поколениями антиковедов), сколько детальному рассмотрению истории русских переводов, причем как греческих первоисточников, так и позднейших «имитационных» литературных произведений на «греческую» тематику. Таким образом, работа была призвана внести вклад в исследование традиции российского переводоведения, пролив свет на биографии русских переводчиков-античников XVIII–XIX вв., а также, в отдельных случаях, провести своеобразный сравнительный анализ самих текстов различных переводов той эпохи.

Сохранившийся текст этой незаконченной монографии Егунова, озаглавленный «Греческий роман» (с подзаголовком «Восприятие его в России», данным, вероятно, В. Сомиковым)⁹, представляет собой две папки разнообразных рабочих материалов. Первая из них (115 стр.)¹⁰ включает ряд частично систематизированных отрывков разной степени завершенности — некоторые из них представляют собой, вероятно, вычитанную автором машинописную черновую версию той или иной главы, некоторые — не более чем рабочие рукописные наброски, фрагменты переводов, извлечения, библиографические материалы и проч. Вторая папка (116 стр.)¹¹, озаглавленная «Материалы к истории греческого романа», содержит еще в меньшей степени систематизированные вспомогательные рукописные фрагменты грубо чернового характера. Вероятно, большинство представленных в архивном деле материалов принадлежат к позднему этапу творческой деятельности советского исследователя — цитируемая в рукописи научная библиография прослеживается вплоть до второй половины 1960-х годов¹². В отдельных случаях можно наблюдать некоторое

⁹ Личный архив А.Н. Егунова. Ф. 1. Оп. 2. Д. 4.1–4.6. Л. 1.

¹⁰ Личный архив А.Н. Егунова. Ф. 1. Оп. 2. Д. 4.1–4.6.

¹¹ Личный архив А.Н. Егунова. Ф. 1. Оп. 2. Д. 4.7.

¹² Личный архив А.Н. Егунова. Ф. 1. Оп. 2. Д. 4.1–4.6. Л. 115.

изменение почерка автора — можно предположить, что Андрей Николаевич работал над сочинением до самой смерти в октябре 1968 г. и, увы, так и не успел завершить свой монументальный по амбициозности замысел.

Чрезвычайный интерес для исследователя представляет, на наш взгляд, творческий метод Егунова в подготовке черновых материалов. Первоначальные рукописные наброски на отдельных листах бумаги помечались в соответствии с тематикой — в данном случае, в соответствии с первоначальным планом задуманного сочинения — по именам основных античных авторов (Гелиодор, Ахилл Татий, Харитон и т.д.). Подобный методологический подход позволял исследователю в дальнейшем систематизировать подготовленные материалы, с легкостью отличая тематику одного подготовленного отрывка от другого. Далее черновики переписывались, обрабатывались, соединялись и перепечатывались на пишущей машинке в черновую рукопись. Данный этап работы характеризовался многочисленными правками, как вписанными Егуновым от руки, так и в виде грубых «вклеек» вырезанных фрагментов машинописи¹³. Далее готовилась вторая версия черновой рукописи — текст работы еще более «оттачивался» автором, а потому требовал значительно меньшего количества правок и вписок. По мере завершения работы над сочинением Егунов печатал окончательную «чистовую» версию монографии, с отдельными скупыми правками — в качестве примера можно привести представленные в том же архиве машинописную рукопись перевода «Государства» Платона, а также подготовленный Егуновым перевод «Письма к монсеньору» Г.В. Лейбница¹⁴.

К сожалению, воссоздать задуманную автором структуру произведения достаточно непросто ввиду слабой систематизации и общей фрагментарности доступных для исследования сохранившихся рукописных материалов. Заметки автора на отдельных страницах рукописи¹⁵ позволяют составить лишь отдален-

¹³ См., например, Личный архив А.Н. Егунова. Ф. 1. Оп. 2. Д. 4.1–4.6. Л. 43–48.

¹⁴ См. Светлов, Минак 2022 и 2023.

¹⁵ Личный архив А.Н. Егунова. Ф. 1. Оп. 2. Д. 4.1–4.6. Л. 61–62.

ное представление о планируемых к разработке темах. Вполне очевидным, однако, представляется, что ученого интересовали как историография и традуктология традиции русских переводов оригинальных греческих романов, так и рецепция феномена греческого романа в отечественной дореволюционной литературной традиции в целом.

Не претендуя на решение масштабной задачи общей реконструкции сочинения Егунова, позволим себе провести определенную структуризацию сохранившихся черновиков, акцентировав внимание, главным образом, на наиболее разработанных сюжетах, предложенных автором.

1. *Русские переводы «канонических» греческих романов.*

1.1. *Русская традиция перевода «Эфиопики» Гелиодора* (машинопись и рукопись, Л. 12–22). Данный сюжет частично разработан в издании перевода «Эфиопики» под редакцией Егунова 1965 г.¹⁶

1.2. *Русские переводы «Повести о Габрокоме и Антии» Ксенофонта Эфесского* (Л. 22–26, 31, машинопись). Сохранившийся фрагмент посвящен главным образом попытке Егунова установить имя первого русского переводчика данного сочинения, скрывающегося под инициалами «В.П.»¹⁷. В качестве первой кандидатуры автором рассматривается литератор, переводчик и чиновник (директор коммерческого училища) В.С. Подшивалов. Однако более вероятным, по мнению Егунова, является авторство молодого В.А. Поленова. Именно неопытностью переводчика объясняется наивное отождествление Ксенофонта Эфесского с его тезкой — гораздо более ранним и гораздо более знаменитым автором «Анабасиса»¹⁸. В целом, однако, качество данного перевода, сделанного, конечно, не с первоисточника, а с французского издания, Егунов оценивает относительно высоко:

Переводчик точно передает французский текст, который держится на среднем французском уровне того времени: хотя нет таких

---

¹⁶ Егунов 1965: 34–35.

¹⁷ В.П. 1793.

¹⁸ Личный архив А.Н. Егунова. Ф. 1. Оп. 2. Д. 4.1–4.6. Л. 23.

резких отклонений, как у Бошана, все же на каждом шагу встречаются прибавления и изменения в угоду французскому вкусу: греческий подлинник ничего не говорит о матери героя, во французском переводе она «не уступала своему супругу ни в знатности, ни в богатстве»; юноша, названный в оригинале красивым, становится совершенным французом — *un jeune homme des plus accomplis* — и т.д. Примечания принадлежат французскому изданию, их переводной характер сказывается и на языке...¹⁹

1.3. *Русский переводчик Иван Акимов и специфика перевода «Повести о любви Херея и Каллирой» Харитона Афродисийского*²⁰ (Л. 34–53, машинопись, относительно хорошая сохранность; также Д. 4.7. Л. 85–86). Данный сюжет достаточно детально разработан Егуновым в ряде черновых фрагментов, и примечателен попыткой исследователя выявить филологическое и общекультурное значение первого русского перевода «подлинно-греческого романа» — сочинения «Повесть о любви Херея и Каллирой» Харитона Афродисийского. Кратко осветив основные вехи творческой биографии русского переводчика — Ивана Ивановича Акимова, состоявшего переводчиком при Академии Наук, — Егунов проводит сравнительный анализ оригинального немецкого перевода 1753 г.²¹, которым пользовался Акимов, и его русской интерпретации, а также декларируемых тем и другим переводчиком подходов к своей работе. И если немецкий литератор относится к Харитону и персонажам романа «равнодушно-снисходительно»²², то Акимов, напротив, «подает своего автора в самом выгодном свете в ряду старинных и новых писателей»²³.

Егунов отмечает также значительные расхождения между русским переводом и греческим первоисточником — сокращение некоторых сцен и некоторое «смягчение» суровой действительности, по мнению советского исследователя, роднит текст Акимова со знакомыми ему «псевдо-греческими» романами той эпохи. Отмечается и определенное стремление переводчика следо-

¹⁹ Личный архив А.Н. Егунова. Ф. 1. Оп. 2. Д. 4.1–4.6. Л. 24.

²⁰ Акимов 1763.

²¹ Неупе 1753.

²² Личный архив А.Н. Егунова. Ф. 1. Оп. 2. Д. 4.1–4.6. Л. 43.

²³ Там же.

вать требованиям правдоподобия в сюжете произведения, а также «превращение» диалогической формы изложения в повествовательную²⁴. Таким образом, заключает Егунов, русский переводчик «по-своему переосмыслил переведенный им роман, применительно к русской литературной ситуации 1763-го года»²⁵.

Небезынтересным представляется Егунову и нравственный мотив, изложенный И.И. Акимовым в предисловии к своему труду, своеобразное противопоставление благочинного текста, «простоты старинных писателей», и модных литературных веяний современных литературных произведений, в которых «часто под видом нравоучения превелико скрывается соблазн и развращение непорочных нравов»²⁶. Весьма примечателен общий вывод из проведенного Егуновым анализа текста Акимова:

...взгляды, выраженные им в предисловии к Харитону, не являются его исключительной собственностью — литературным теоретиком он никогда не был. Это — отголоски воззрений целого литературного направления. Предисловие Акимова явно полемично и вводит нас в ту борьбу мнений, которая приобрела особую остроту незадолго до полного торжества романа как жанра. Насколько роман Харитона действительно оправдывает представление Акимова о нем, это — другой вопрос, требующий особого рассмотрения. Но *в русский литературный процесс того времени Харитон попадает в акимовской версии*. А так как невозможно полагать, что Акимов в этом предисловии высказывает только свои личные суждения, то, следовательно, он был выразителем взглядов, имевших более широкое распространение²⁷.

В целом можно вполне согласиться с мнением Егунова, что перевод Акимова преследовал явной целью не только грубое потакание вкусам аудитории, а напротив — в них воплощалось своеобразное консервативное начало, стремление воспрепятствовать распространению «развлекательной беллетристики», проникающей в русское общество под влиянием современных западных литературных веяний.

²⁴ Личный архив А.Н. Егунова. Ф. 1. Оп. 2. Д. 4.1–4.6. Л. 48.

²⁵ Личный архив А.Н. Егунова. Ф. 1. Оп. 2. Д. 4.1–4.6. Л. 44.

²⁶ Личный архив А.Н. Егунова. Ф. 1. Оп. 2. Д. 4.1–4.6. Л. 38.

²⁷ Личный архив А.Н. Егунова. Ф. 1. Оп. 2. Д. 4.1–4.6. Л. 50.

1.4. *Русские переводы сочинения Ахилла Татия* (Л. 54, 65, 87 и др.; небольшой фрагмент, отдельные упоминания).

1.5. *Русские переводы романа «Дафнис и Хлоя» Лонга* (Л. 60, 87; также отдельные упоминания).

II. *Византийская традиция «псевдо-греческого» романа* (вероятно, в контексте русских переводов произведений этого жанра)²⁸.

2.1. *«Повесть о Дросилле и Харикле» Никиты Евгениана* (Л. 60).

2.2. *«Повесть об Исминии и Исмине» Евматия Макремволита* (Л. 60; также Д. 4.7. Л. 85–87). В данном случае интерес для автора представлял как первый русский перевод (1769) с французского первоисточника («перелицовки»²⁹), так и его авторизованный «пересказ» под названием «Исмений и Исмена», сделанный А.П. Сумароковым в 1782 г. (Л. 27–28). Подробней данная проблематика была рассмотрена Егуновым в отдельной статье³⁰, ставшей, очевидно, одним из этапов подготовки текста монографии.

III. *Рецепция греческого романа в дореволюционной российской литературной традиции.*

3.1. *Русские переводы европейских «имитаций» греческого романа, а также отечественные «подражания» данному литературному жанру в XVIII веке* (Л. 31–33; «Приключения Фемистокла», «Любвиный вертоград», «Непостоянная фортуна» Ф. Эмина³¹, «Пантея, древняя повесть»³² и др.). В составленной Егуновым обширной библиографии по этой теме перечислено нескольких десятков подобных произведений и переводов³³.

3.2. *Условно-греческий роман XVIII века «Карита и Полидор» Жан-Жака Бартеlemi* (большей частью черновая машинопись, Л. 2–11).

---

²⁸ Данная тематика представлена в рукописи Егунова лишь в виде отдельных набросков, составить комплексное представление о ней по доступным материалам не представляется возможным.

²⁹ Полякова 1965: 122.

³⁰ Егунов 1963.

³¹ Эмин 1763а, 1763б и 1763с.

³² Пантея 1778.

³³ Личный архив А.Н. Егунова. Ф. 1. Оп. 2. Д. 4.1–4.6. Л. 97–100.

В сохранившихся фрагментах этой главы Егунов описывает историю появления данного сочинения в России, делая акцент на анализе двух ранних переводов на русский язык, сделанных В. Заозерским и Д.И. Фонвизиным в конце XVIII века с французского издания. Проводя сравнительный анализ этих двух переводов, автор отмечает некоторое «простодушие» Заозерского, вероятно принявшего сочинение подражателя за настоящий перевод с (несуществующего) греческого первоисточника, в то время как Фонвизин, проявив определенное «литературное чутье»³⁴, вероятно, испытывал на этот счет определенные сомнения, исключив из текста явно «мистифицирующее» предисловие мнимого переводчика с греческого.

Напомним, что реальным автором «Кариты и Полидора» был французский литератор и лингвист Жан-Жак Бартеlemi³⁷. Вероятно, источником вдохновения для него выступал текст «Дафниса и Хлои» Лонга³⁵. В литературном отношении советский исследователь ставит более ранний перевод молодого Фонвизина (родился в 1745 г.) выше перевода Заозерского:

...сопоставление этих двух переводов не позволяет сделать вывод, что Заозерский основывался на вышедшем за 27 лет до того переводе Фонвизина. Словарные и фразеологические совпадения объясняются близостью к французскому подлиннику. Несмотря на быстрое развитие повествовательного жанра в те десятилетия, язык перевода Заозерского не представляет собою шага вперед сравнительно с языком перевода Фонвизина, напротив язык Фонвизина здесь чище и разговорнее³⁶.

По мнению Егунова, данное явление объясняется общим снижением качества русских переводов греческих романов к 90-м годам XVIII в., с постепенной «миграцией» данного жанра в область «развлекательной литературы»³⁷.

³⁴ Личный архив А.Н. Егунова. Ф. 1. Оп. 2. Д. 4.1–4.6. Л. 9.

³⁷ Barthélemy 1760.

³⁵ Личный архив А.Н. Егунова. Ф. 1. Оп. 2. Д. 4.1–4.6. Л. 7.

³⁶ Личный архив А.Н. Егунова. Ф. 1. Оп. 2. Д. 4.1–4.6. Л. 9.

³⁷ Личный архив А.Н. Егунова. Ф. 1. Оп. 2. Д. 4.1–4.6. Л. 10.

Вполне вероятным представляется, что в круг научных интересов Егунова не могла не входить проблематика истории русских переводов двух других греческих романов, сохранившихся в пересказах: «Вавилоники» Ямвлиха и «Невероятных приключений по ту сторону Туле» Антония Диогена. Напомним, что в 1960 г. был опубликован перевод Ямвлиха, сделанный Егуновым, под названием «Вавилонская повесть»³⁸. Вероятнее всего, именно факт слабой сохранности текстов данных сочинений обусловливал слабый интерес к этим произведениям со стороны ранних русских переводчиков и, как результат, — низкую репрезентацию имен данных авторов в материалах архива.

В заключение нельзя также не отметить небезынтересное наблюдение, сделанное в ходе анализа текста рукописи Егунова, — достаточно демонстративное и, можно даже сказать, несколько пренебрежительное отношение советского антиковеда к римской литературной традиции («о Цицероне судить не могу по невежеству»³⁹). Несмотря на то, что в отдельных случаях он упоминает имена и произведения нескольких поздних римских авторов (в частности, Марка Аврелия и Лукиана, писавших по-гречески), вероятно, в планы Егунова не входило подробное исследование особенностей русских переводов представителей «родственных форм» латиноязычной литературы — в частности, Апулея и Петрония. В этом смысле крайне симптоматичной и показательной представляется еще одна цитата, обнаруженная нами среди фрагментов рассматриваемой монографии:

Римляне стали владыками стран, которым они решительно ничего не могли предложить в культурном отношении — ни в науках, ни в искусствах, ни в философии. Понимание собственной дефектности стало, как это ни странно (пожалуй, это единственный случай в истории) неотъемлемой частью их национального самосознания. Устами своего величайшего поэта — Вергилия — они признали, что им не дано создавать великое в искусстве —

---

³⁸ Егунов 1960.

³⁹ Личный архив А.Н. Егунова. Ф. 1. Оп. 2. Д. 4.1–4.6. Л. 112.

это призвание греков, а их дело — управлять: шадить подчиненных и смирать надменных. Оглядываясь на римское культурное развитие, другой видный римский поэт — Гораций в эффектно построенном на игре слов стихе <...> говорил, что «плененная Греция пленила своего сурового победителя и внесла искусства в дикий Лациум»⁴⁰.

***

В рамках короткой статьи, безусловно, невозможно провести полноценную и всестороннюю реконструкцию монографии Егунова — тем более, что ограниченный объем исходного авторского текста позволяет судить о планах советского исследователя лишь в виде гипотез. Однако, на наш взгляд, знакомство с архивными материалами не только позволяет отдать дань памяти нашему выдающемуся ученому соотечественнику, но и ввести часть из них в научный оборот, а также дает современному исследователю великолепную возможность заглянуть в «творческую лабораторию» исследователя-переводоведа, выявив ряд подходов и «технологических приемов» автора в работе над монографией, а также данными первоисточников, которые во многом остаются актуальными и сегодня. В то же время поставленная советским антиковедом амбициозная задача — пролить свет на историографию и специфику русского перевода греческого романа — остается во многом до сей поры нерешенной. В этом смысле хочется выразить осторожную надежду, что монография Егунова, пусть и незавершенная, будет представлять и сугубо профессиональный интерес для всё возрастающей в наше время когорты исследователей традиций отечественного перевода произведений античных авторов.

---

⁴⁰ Личный архив А.Н. Егунова. Ф. 1. Оп. 2. Д. 4.1–4.6. Л. 90.

Приложение

А.Н. Егунов

Условно-греческий роман XVIII века «Карита и Полидор»
(отрывок из незаконченной монографии)⁴¹

[Л. 3] Примером условно-греческого романа XVIII века может служить роман «Карита и Полидор», дважды переведенный на русский язык. Причем первым его переводчиком был не кто иной, как Фонвизин, выпустивший свой перевод анонимно:

«Любовь Кариты и Полидора. Переведено с французского. Перепечатано в Санкт-Петербурге 1763. (147 страниц)».

Второй русский перевод:

«Любовь Кариты и Полидора, или редкие приключения двух великодушных язычничков, с описанием бывших с ними чрезвычайных несчастий, великих перемен, удивительных оборотов и с изъяснением, что добродетель, сколь бы ни имела злобных гонителей, остается всегда торжествующей и достойною наконец венчает наградою своих любителей. Переведено с Греческого на Французский, а с Французского на Российской Васильем Заозерским⁴². Первым изданием. Москва. Печатано в вольной Типографии А. Решетникова 1790 года (176 страниц)»⁴³.

Оба русских перевода сделаны с французского издания 1760 года «Amours de Carite et Polydore», снабженного предисловием, которое в переводе В. Заозерского выглядит так:

---

⁴¹ <Личный архив А.Н. Егунова. Ф. 1. Оп. 2. Д. 4.1–4.6. Л. 3–10. — Прим. ред.>

⁴² У Сиповского (Из истории русского романа и повести. Материалы по библиографии, истории и теории русского романа, ч. 1, XVIII век. СПб. 1903, стр. 90) заглавие переведено не точно: слово «великодушных» пропущено, а вместо «переведено с греческого» и т.д. дано: сочинено на греч. яз., с коего на франц. перевел г. Бартеlemi, а с сего на р. яз. Васильем Заозерским. — На самом деле имя автора в этом издании не указано. О В. Заозерском никаких сведений не дают ни Русск. биограф. словарь, ни Геннади, кроме того, что он является переводчиком этого романа. — Прим. А.Н. Егунова.

⁴³ Отрывок этого романа помещен также в Санкт-Петербургском Журнале, издаваемом И. Пниним, 1798, стр. 162–169, уже с указанием автора: «Карита и Полидор Г. Бартеlemi сочинителя путешествий молодого Анахарсиса по Греции». — Прим. А.Н. Егунова.

[Л. 4] «Предуведомление от переводившего с греческого:

Несколько лет тому назад, как один Профессор из Готтинга на-шел в Немецкой библиотеке роман под названием Карита и Полидор. Он вознамерился перевести его и присовокупить к нему *пространные* замечания, когда войска наши вступили в сей город: как мы никогда не вели войны с науками, то не воспрепятствовали его упражнениям, и Профессор продолжил труд свой. Один из наших Офицеров имел с сим ученым человеком столь тесную дружбу, что получил от него копию с перевода и позволение выдать его в свет, но с таким однако ж условием, чтобы напечатать один только простой перевод, уведомивши публику в предисловии, что сочинитель книжки сей была женщина из Эпидавра, называемая Памфилою, жившая во времена Нероновы и которой *имя подписано* на подлинном Манускрипте. О сей Памфиле упоминают: Диоген Лаэртций, Свид, Фотий и пр. В издании, напечатанном в Готтинге, можно видеть на Греческом языке все изъяснения, каких только желать можно, как на самой Манускрипт, так и на Сочинение».

Автор этого предисловия, не считаясь с правдоподобием, заставляет Памфилу подписаться на подлинном манускрипте и переносит женское писательство романов, нередкое во Франции XVII и XVIII века, в древнюю Грецию. Указанные греческие авторы в самом деле упоминают о Памфиле, жившей во времена Нерона, но не как о романисте, а как об авторе не дошедших до нас «Записок» или «Воспоминаний» (*hypomnemata*).

Так, Фотий (IX век н.э., патриарх константинопольский), сообщает: «Она записывала все, что узнавала от своего мужа, не покидая его ни на день, ни на час в течение 13 лет, а также и то, что слышала от других. Получилась полезная книга, где можно найти необходимые сведения по истории и изречения, кое-что из области красноречия, и философские теории и поэтические идеи. Она была родом египтянка⁴⁴ и т.д.»

[Л. 5] Предисловие французского переводчика, простодушно переданное Заозерским, опущено у Фонвизина, очевидно отто-

⁴⁴ Photii Bibliotheca ex rec. I. Bekkeri. Berolini, 1824. — Прим. А.Н. Егунова.

го, что будущий автор «Бригадира» /1766-й год, через три года после этого перевода/ не мог не заметить его шуточного оттенка: профессор-немец, снабжающий «пространными замечаниями» любовный роман; легкое французское бахвальство: «мы не ведем войны с науками», наконец и заметная несогласованность: на какой язык переводил *геттинский* <sic> профессор, и если он и был переводчиком, то почему же в «предисловии переводчика» говорится «мы», т.е. французы? — все это слишком выдает если не мистификацию, то шутку. На самом деле автором романа «Карита и Полидор» был Бартеlemi (Jean Jacques Barthélemy 1716–1795); он учился у иезуитов, но втайне изучал Декарта; склоняясь к янсенизму, не принял духовного сана; занимался нумизматикой и библиотечным делом, был знатоком восточных языков; во время революции пробыл под арестом 16 часов, освобожден по распоряжению Дантона. Роман «Любовь Кариты и Полидора», написанный в 1758 году, предназначался им для педагогических целей. Лишь во 2-м издании, 1796 года, указан автор: «Carite et Polydore par J.J. Barthélemy, Auteur du Voyage du jeune Anacharsis en Grèce À Lausanne et à Paris 1796» (поэтому невозможно приводимое Сиповским — см. выше стр. 1, заглавие перевода Заозерского 1798 года). Здесь уже нет мистифицирующего предисловия, напротив в Notice sur la vie et les ouvrages de J.J. Barthélemy, предпосланной роману, прямо говорится «среди серьезных занятий Бартеlemi позволил себе кое-какое отдохновение — это было сочинение романа, которое он выдал за перевод с греческого» (стр. хiv). — Европейскую известность Бартеlemi приобрел своим романом Voyage du jeune Anacharsis en Grèce (начатого в 1757 г.) Paris, 1787, 4 тома, ставившим себе целью обрисовать быт древней Греции. Более 20 тысяч цитат из древних авторов подкрепляли изложение. Несмотря на всю ученость автора, его Греция не выходит за пределы воззрений и морали французского дворянского общества xvii–xviii вв.

[Л. 6] Легкие реминисценции античного романа нельзя отрицать в Бартеlemi, но еще более сквозят у него черты сентиментализма:

«Несчастливая Стеропа воображала непрестанно печаль свою: всегда обливалась слезами и только в них находила утешение. Ночь заставляла ее часто сидящую под деревом в сем упражнении, и хотя день и наступал, однако Стеропа от слез не переставала.

Воспоминание прошедшего благополучия услаждало иногда настоящее несчастье. Стеропа почитала удовольствием описывать приключения любви своей к Шерофонту (sic!). Она заходила в середину рощи, чтобы прочитывать без препятствия сие дражайшее описание, и когда тяжкие вздыхания допускали еще действовать ее гласу, то повторяла она непрестанно имя несчастного супруга.

В один день случай и солнечный жар завели Кариту (дочь Стеропы) и Полидора на берег отдаленного ручья, который был близ того места, куда часто ходила Стеропа.

Во всяком слове, которые Стеропа говорила, слезы показывались в глазах Полидора и Кариты. Они друг на друга с молчанием взирали. Сила изображения, которая Стеропу поражала, вкоренялась в сердца их: но то, что они чувствовали оба, не печальное было изображение, которое следует сожалению, напротив того было то приятное смущение, которое обыкновенно производит представление первых увеселений любви.

В тот самый час Стеропа читала описание того, когда любовник привел ее во храм и когда увидела она бога браков, венчающего его постоянство. Точное изображение удовольствия, которое чувствовала она в сию счастливую минуту; радость ее любовника; те клятвы, столь много раз повторенные и которые повторяла она еще с восхищением; воспоминание забав, коему [Л. 7] печаль придавала еще более приятности; все их смущало; все удивляло: уже руки Каритины было в руках Полидоровых. Взор и нежные усмешки были до сего одни истолкователи их мыслей. Но в ту же минуту не знали они больше себя сами. Полидор бросился в объятия Кариты, уста его прилеплены к устам его любовницы. Три раза начинал он говорить и три раза слова останавливались у него на языке. Душа его не обладала более ни чувствами, ни властью.

Удовольствие, которое они тогда вкушали, умножало их внимание. Стеропа, не видя их, продолжала читать свое приключение. Конец ее повести дал им узнать, что есть еще приятности, коих они не знали до сего. Карита краснелась, а и неизвестный пламень пылал в Полидоровых очах».

Приведенный отрывок представляет для нас стилистический и биографический интерес еще и потому, что перевод с французского сделан не кем другим, как Фонвизиным, а перелом в языке Фонвизина произошел в 1763–64 гг., когда он стал работать под руководством Елагина, признанного в те годы мастера стиля⁴⁵.

Двукратное появление «Кариты и Полидора» на русском языке показательно и для соотношения переводов Фонвизина и Заозерского:

[Л. 8]

«Карита и Полидор»

Фонвизин /1769/

Заозерский /1790/

Бесперывная весна царствовала в сей стране благополучной...

Вечная весна царствует в сей благополучной стране...

Мистрат пришел искать при подошве горы сей убежище от несправедливости людей и от неблагодарности своего века...

При подошве холма Мистрат искал для себя спокойного убежища противу несправедливости людей и неблагодарности своего века.

Близ места его пребывания жила молодая вдова, которая называлась Стеропою...

Неподалеку от хижины его жила молодая вдова по имени Стеропа.

Карита, дочь ее, будучи еще пяти лет, принимала участие в ее горести. Она утешала мать свою и в объятиях ее говорила:

Карита, дочь ее, будучи пяти только лет от рождения своего разделяла уже с нею печаль ее. Она отирала слезы матери своей и ожимала ее нежно в своих объятиях.

---

⁴⁵ «Переходный характер имеет перевод повести Бартеlemi „Любовь Кариты и Полидора“ 1763 г. (или, может быть, еще в 1762 г.). Эта повесть — нечто вроде стилизации в духе александрийских романов и, прежде всего, „Дафниса и Хлои“». Ист. русск. лит. т. IV, часть 2-я, М.-Л., 1937, стр. 153–154. — *Прим. А.Н. Егунова.*

— Не оставляй меня, любезная мать, живи для себя...

[Л. 9] Стеропа почитала удовольствием описывать приключения любви своей к Шерофонту /sic!. Она заходила в середину рощи, чтобы прочитывать без препятствия сие дражайшее описание.

При всяком слове, которые /sic! Стеропа говорила, слезы показывались в глазах Полидора и Кариты. Они друг на друга с молчанием взирали. Сила изображения, которая Стеропу поражала, вкоренялась в сердца их.

Конец ее повести дал им узнать, что есть еще приятности, коих они не знали до сего. Карита краснелась и неизвестный пламень пылал в Полидоровых очах.

— О, дражайшая родительница моя! — говорила она с восхищением, не оставляйте меня, живите для вас самих...

Стеропа почла за удовольствие сочинить историю любви своей с Ксерофонтом и иногда, удалившись в густоту рощей, перечитывала в полной свободе сие драгоценное сочинение.

После всякого слова, которое приносила Стеропа, слезы орошали глаза их; они взирали друг на друга в молчании, и чувствование, пронзающее душу Стеропину, казалось, что переходит в сердце их.

Конец разговора /?/ ее дал им почувствовать, что есть столь верховное благо, которого употребление было им еще неизвестно. Карита покраснела, и пламя, дотоле неизвестное, пылало в глазах Полидоровых.

Сопоставление этих двух переводов *не позволяет сделать вывод, что Заозерский основывался на вышедшем за 27 лет до того переводе Фонвизина*. Словарные и фразеологические совпадения объясняются близостью к французскому подлиннику. Несмотря на быстрое развитие повествовательного жанра в те десятилетия, *язык перевода Заозерского не представляет собою шага вперед сравнительно с языком перевода Фонвизина, напротив язык Фонвизина здесь чище и разговорнее*, например: «убежище от чего-нибудь» звучит более по-русски, чем «убежище против чего-нибудь» или «она заходила в средину рощи» конечно лучше, чем «удалившись в густоту рощей» и т.д.

По внутренним признакам, т.е. по психологическому заполнению и общему тону *читатель не мог в ту пору отличить*

подлинно-греческое от «греческого» в духе французского классицизма — для этого не хватало материала для сравнения.

Вопрос о подлинности греческого романа не мог, конечно, возникнуть и у юного Фонвизина (ему в ту пору было 18 лет), но он обнаружил литературное чутье, откинув мистифицирующее предисловие. В остальном роман продолжал для него оставаться «греческим», потому что действие разыгрывалось в Греции. Так и много лет спустя, в 1786 году, печатая в «Новых ежемесячных сочинениях» своего «Каллисфена», он дает подзаголовок «Греческая повесть».

[Л. 10] <...>цизма⁴⁶. К этому же классическому лагерю относится и вторичное, уже несколько архаическое для тех лет, появление «Кариты и Полидора» в переводе В. Заозерского (1790-й год. См. выше, стр. 5) под видом якобы подлинно-греческого романа. Качество переводов греческого романа снижается от 60-х к 90-м годам: В. Заозерский не разобрал шутовой мистификации Бартеlemi. *Греческий роман уже перестал выдвигаться в качестве одного из орудий против новшеств — он клонится вниз, в развлекательную литературу...*

---

⁴⁶ <В рукописи пропуск, от предыдущего предложения на новом листе остался лишь обрывок слова. — Прим. ред.>

Литература

- Акимов, И., пер. (1763), *Харитон Афродийский. Похождение Керее и Каллирои*. Пер. с немецкого. СПб.: Типография Академии наук.
- В.П. (1793), *Торжество супружеской любви над злосчастиями, или Приключения Аврокома и Анфии. Ефесская повесть*. Пер. с французского. М.: Типография А. Решетникова.
- Егунов, А.Н., пер. (1960), “Ямвлих. Вавилонская повесть”, in С. Полякова (ред.), *Поздняя греческая проза, 185–194*. М.: ГИХЛ.
- Егунов, А.Н. (1963), “Исмений и Исмена», греческий роман Сумарокова”, in М.П. Алексеев (ред.), *Международные связи русской литературы*, 135–160. М.; Л.: Издательство АН СССР.
- Егунов, А.Н. (1964), *Гомер в русских переводах XVIII–XIX веков*. Л.: Наука.
- Егунов, А.Н., ред. (1965), *Гелиодор. Эфиопика*. М.: Художественная литература.
- Завьялов, С. (2003), “Гомер в качестве государственного обвинителя на процессе по делу русской поэзии (О книге А.Н. Егунова «Гомер в русских переводах XVIII–XIX веков»”, *Новое литературное обозрение* 2.60: 194–199.
- Минак, В.С. (2022), “А.Н. Егунов как исследователь отечественной и зарубежной литературы”, *Вестник Русской христианской гуманитарной академии* 23.4: 168–172.
- Николев, А. (1931), *По ту сторону Тулы*. Л.: Издательство писателей.
- Пантея (1778), “Пантея, древняя повесть”, *Санкт-Петербургский вестник* 2.8: 124–130.
- Полякова, С.В. (1965), “Из истории византийской любовной прозы («Любовные письма» Аристенета и «Повесть об Исминии и Исмине» Евматия Макремволита)”, in Id. (ред.), *Византийская любовная проза*, 114–134. М.; Л.: Наука.
- Полякова, С.В. (1993), “А.Н. Егунов как переводчик древних авторов”, in Г. Морев и В. Сомсиков (ред.), *Андрей Николев (Андрей Н. Егунов). Собрание произведений*, 352–354. Wien: Gesellschaft zur Förderung Slawistischer Studien.
- Протопопова, И.А. (1997), *Происхождение греческого романа (к вопросу об экзегетической наррации)*. Дисс. Российский государственный гуманитарный университет.
- Протопопова, И.А. (2001), *Ксенофонт Эфесский и поэтика иносказания*. М.: Российский государственный гуманитарный университет.

- Светлов Р.В. (2022), «Исономия» и «безразличие»: о переводе А.Н. Егуновым описания «демократического человека» в VIII книге Платоновского «Государства», *Вестник Русской христианской гуманитарной академии* 23.4: 162–167.
- Светлов, Р.В.; Минак, В.С. (2022), «А.Н. Егунов как переводчик Платона», *Платоновские исследования* 17.2: 199–218.
- Светлов, Р.В.; Минак, В.С. (2023), «Г.В. Лейбниц. «Письмо к монсеньору» в переводе А.Н. Егунова», *Философия. Журнал Высшей школы экономики* 7.2: 331–343.
- Светлов, Р.В.; Шмонин, Д.В. (2023), «Наметки» А.Н. Егунова к переводу Платоновского «Пира», *ΣΧΟΛΗ (Scholē)* 17.1: 367–375.
- Федоров, Д.А.; Колмакова, М.В.; Андерсон, О.Н. (2022), «Архив Андрея Николаевича Егунова», *Платоновские исследования* 17.2: 126–136.
- Эмин, Ф., (1763a), *Приключения Фемистокла и разные политические, гражданские, философические, физические и военные его с сыном своим разговоры; постоянная жизнь и жестокость фортуны его гонящей*. СПб.: Типография Сухопутного кадетского корпуса.
- Эмин, Ф., (1763b), *Любовный вертоград, или Непреоборимое постоянство Камбера и Арисены*. СПб.: Типография Сухопутного кадетского корпуса.
- Эмин, Ф., (1763c), *Непостоянная fortuna, или Похождение Мирамонда*. СПб.: Типография Сухопутного кадетского корпуса.
- Barthélemy, J.-J. (1760) *Les Amours de Carite et de Polydore. Roman traduit du Grec*. Paris: s.n.
- Bird, R. (2020), *Sophrosune in the Greek Novel: Reading Reactions to Desire*. Bloomsbury Academic.
- Heyne, C.G., tr. (1753), *Charitons Liebesgeschichte des Chäreas und der Callirrhoe*. Aus dem Griechischen übersetzt [von Christian Gottlieb Heyne]. Leipzig: bei Friedrich Lanckischens Erben.
- Lefteratou, A. (2018), *Mythological Narratives. The Bold and Faithful Heroines of the Greek Novel*. Berlin; Boston: Walter de Gruyter.
- Reardon, B.P., ed. (2019), *Collected Ancient Greek Novels*. University of California Press.
- Schwartz, S. (2016), *From Bedroom to Courtroom: Law and Justice in the Greek Novel*. Groningen: Barkhuis.
- Whitmarsh, T. (2011) *Narrative and Identity in the Ancient Greek Novel: Returning Romance*. Cambridge University Press.